

ВЛАДИМИР ДЕДЛОВ-КИГН (1856-1908). ЯРКАЯ И НАСЫЩЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛИТЕРАТОРА

Владимир Людвигович Дедлов-Кигн – прозаик, публицист, литературный критик, искусствовед, путешественник – долгое время находился в забвении, однако в наши дни память о нем и его творчестве по-настоящему возвращается к нам. Ученик И. С. Тургенева, сподвижник А. П. Чехова, биограф В. М. Васнецова. Его художественная проза печаталась в журналах «Русское богатство», «Наблюдатель», «Дело», «Нива». «Спор славян» и сцены из повести «Сашенька» публиковались на страницах «Оренбургской газеты».

В 1891-1892 годах служил чиновником особых поручений Министерства внутренних дел по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области. Объехав эти места, Дедлов описал свою поездку в очерках «По дальнему востоку», «В переселенческой конторе», «Переселенцы и новые места», которые были напечатаны сначала в газете «Оренбургский край», с которой Дедлов сотрудничал, а потом собраны в книге «Переселенцы». В 1880-х годах писатель совершил ряд поездок по русскому Западному краю, во Францию, Турцию, Италию и Египет. Путевые очерки его собраны в книгах: «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (СПб, 1888); «Франко-русские впечатления» (письма с парижской выставки 1889 г., СПб, 1890); «Зигзаги по русскому Востоку» (СПб., 1894). Как путешественник Дедлов отличался впечатлительностью, которая позволяла ему подмечать характерные и яркие явления, в то же время нередко приводя к рискованным обобщениям и выводам. Несомненным достоинством творчества Дедлова является его слог, живой и бойкий, а также юмор, часто переходящий в шарж.

Родился будущий литератор 15 января 1856 года в Тамбове в небогатой семье немецких переселенцев, получивших в XVII веке дворянское достоинство. Отец писателя – выходец из Пруссии, носил фамилию Kuhn, которая при переселении его предков в Польшу в XVIII веке была записана как Кигн. Отец и дядя Дедлова стали первыми в роду католиками. Мать, Елизавета Ивановна, урожденная Павловская – дочь подполковника российской армии и дворянина Могилевской губернии – передала сыну свою православную религию, любовь к белорусской земле и интерес к русской литературе. Отец, Людвиг Иванович, был чиновником среднего звена, однако известно, что он пробовал себя и в журналистском ремесле. Например, сохранилась рукопись его заметки под названием «Странные люди». Сам Дедлов считал себя человеком «и православным, и русским».

Когда Владимиру было всего 4 года, их дом в Тамбове сгорел, и Кигны вернулись на родину матери, в Могилевскую губернию. Сначала они поселились в деревне Фёдоровка, что под

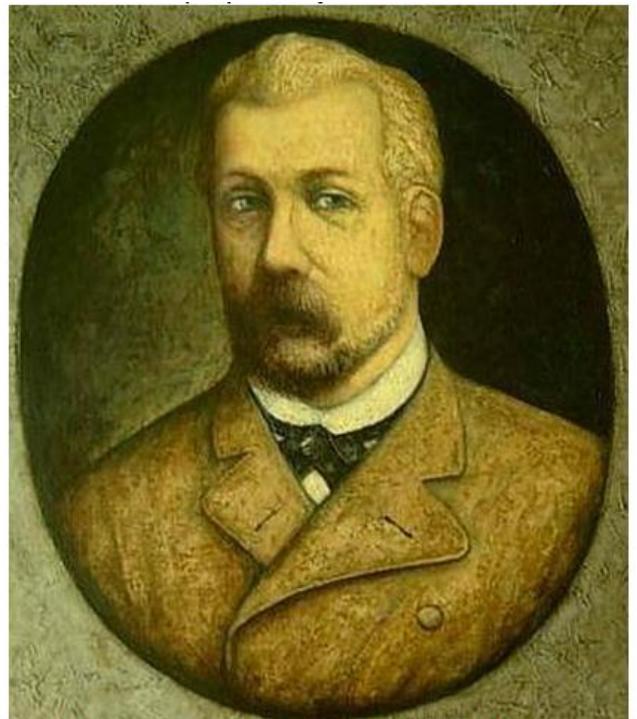
Рогачёвом, чуть позже неподалёку семейство приобрело селение Дедлово. Благодаря Кигнам деревенька стала центром духовной жизни Рогачёвского уезда. Образование Владимир получил в Москве, сначала в немецкой «Петришуле», затем в русской классической гимназии. В 15 лет он увлекся идеями крестьянского социализма и даже организовал пропагандистский кружок. Это увлечение было недолгим и неглубоким, однако Дедлов был исключен из старшего класса гимназии, и ему пришлось завершать курс в ряде частных учебных заведений. «Мученичество» школьных лет с мушткой и схоластикой он впоследствии запечатлел в своих очерках «Школьные воспоминания», увидевших свет в 1902 году в Санкт-Петербурге.

В 1875 году Владимир Дедлов поступил на юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы сблизился с художниками, знатоками искусств, группировавшимися вокруг профессора А.В. Прахова, печатал рецензии, литературно-художественные обозрения в журнале «Пчела». Дебютом Дедлова как писателя был рассказ «Экзамен зрелости». Начинающий писатель послал письмо И. С. Тургеневу, в ответ на которое получил доброжелательное напутствие (хотя рассказа Тургенев не читал), содержащее характеристику «объективного писателя», которого «изучение человеческой физиономии, чужой жизни интересует больше, чем изложение собственных слов и мыслей». Впоследствии рассказ перерос в автобиографическую повесть «Школьные воспоминания».

В 1878 году, по окончании университета, Дедлов служил в земском отделении министерства внутренних дел, совмещая службу с занятиями литературой. С 1880 года он являлся постоянным автором петербургской газеты «Неделя», где выходили циклы его очерков и этюдов: «Белорусские силуэты», «Издалека» (1887), «Мы. Этюды» (1889). Он также печатался в журналах «Наблюдатель», «Вестник Европы», «Книжках Недели» и других под псевдонимами: Единица, и Дедлов (по названию родового имени Дедлово). В конце 80-х гг. он печатался в «Неделе», помещая там свои критические разборы произведений Михаила Салтыкова-Щедрина, Дмитрия Мамина-Сибиряка, Василия Немировича-Данченко и других известных беллетристов. Друзьями Дедлова были выдающиеся люди своего времени: скульптор Марк Антокольский, химик Дмитрий Менделеев, художники Илья Репин, Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Архип Куинджи, Иван Шишкин, Михаил Врубель (известен портрет Дедлова, сделанный Врубелем), поэт Аполлон Майков.

В 1886 году Дедлов оставил службу, всецело посвятив себя литературе, искусству, путешествиям. Результатом длительных поездок (в качестве корреспондента «Недели») явились книги: «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (1887), «Франко-русские впечатления. Письма с парижской выставки» (1890). «Все образно, живо, весело, просто, жизненно – качество весьма редкое в описаниях путешествий», – писал рецензент «Русского богатства» о первой из этих книг. Достижения западной цивилизации Дедлов оценивал с точки зрения их пользы для народных масс.

В начале 1890-х годов он писал популярные в то время этюды, зарисовки «с натуры», черпая материал из жизни городской интеллигенции, чиновничества и прочего. Позднее эти произведения были объединены в сборники «Лирические рассказы» (1902), «Просто рассказы»

Владимир Дедлов-Кигн. Портрет работы М.Врубеля

(1904). В 1892 году в Петербурге вышла в свет единственная большая повесть Дедлова «Сашенька». В этом же году состоялось заочное знакомство Дедлова с А. П. Чеховым (встретились они немного позднее, их переписка охватывает период с 1892 по 1903 гг.). Именно благодаря поддержке и связям Дедлова несколько пьес Антона Павловича ещё при его жизни были переведены на немецкий язык.

С середины 1890-х годов писатель служил в переселенческой конторе Оренбурга, где наблюдал за процессом освоения Сибири русским крестьянством. Его «Переселенцы и новые места. Путевые заметки» (1894) были высоко оценены критикой за правдивое изображение бедствий крестьян, страдающих от голода, болезней, нерасторопности и равнодушия чиновников. В то же время предложенная Дедловым переориентация переселенчества с Востока на Юг и Запад (с целью остановить онемечивание русских земель) вызвала возражения редакции «Вестника Европы». В очерках «Вокруг России. – Польша. – Бессарабия. – Крым. – Урал. – Финляндия. – Нижний. Портреты и пейзажи» (1895), написанных на материале совершенной ранее поездки, часть критиков обнаружила в творчестве писателя некоторые «откровенно националистические тенденции». С конца 1890-х годов Дедлов сотрудничал с газетой «Новое время», публикуя там, в частности, очерки «Из деревни». Его вступление в «Союз русского народа» довершало характеристику противоречивой общественно-политической позиции Дедлова, эволюционирующей от либерально-буржуазного просветительства к консерватизму.

Художественное творчество Дедлова конца 90-х гг. (особенно рассказ «На лоне природы») оценивалось неоднозначно: к недостаткам относили склонность к шаржу, натуралистические подробности, вторжение публицистики. На этом фоне ободряющим для Дедлова был последующий отзыв Чехова (о сборнике «Просто рассказы»): «...в них много было старого, но есть и что-то новое, какая-то свежая струйка, очень хорошая».

Во время войны России с Японией В. Л. Дедлов стал первым военным корреспондентом. Он был буквально одержим «русской идеей», она пронизывает всё его творчество – от путевых очерков, в которых он настаивает на том, что он – «русский литератор», до гневно-обличительных публицистических заметок с театра военных действий 1904 года в адрес русских же военачальников. Он понимал, что и в русской душе существуют два противоположных начала: деспотизм и анархизм, жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность и мягкость, национализм и всечеловечность.

Четыре последних года жизни В.Л. Кигна-Дедлова были заполнены поездками по России, Средней Азии и Манчжурии. Но Дедлов уже был не просто путешественником. Его горячая любовь к родине, ясная и чёткая позиция в отношении проблемы русского человека и роли России на Западе и Востоке, публицистический дар, искренность, доступность в изложении материала – всё это отличает его заметки о положении дел в Сибири и Манчжурии. В своих листовках, написанных по возвращении из Манчжурии по поводу травли Руси со стороны демократов, он отмечал: «Товарищи! Наши истинные, настоящие товарищи именно только рабочие, мастеровые и ремесленники, но отнюдь не люди, называющие себя демократами. Мы – люди труда; они – люди вольнодумства и разума. Неужели мы теперь ослабели, что ли? Неужели мы не сыны могучей России, чтобы отступить перед японцами и отдать им то, что отцы наши приобретали ещё за 500 лет? Они готовы продать русское достояние и честь, они предатели своей веры и родины за японские деньги. Товарищи! Не входите в сношения с внутренними врагами, дабы не отдать русское достояние внешним врагам!».

Эти листовки были предназначены для населения Фёдоровки, Рогачёва и Довска Могилёвской губернии, они призывали сохранять спокойствие в трудный для родины период, разъясняли крестьянам, «из-за чего война», «что такое Маньчжурия» и почему «японца никак не возможно оставить в Маньчжурии». Тема «жёлтой опасности» – основная в заметках Дедлова.

Стоящий на позициях национального самоопределения России и разделяя в этом вопросе официальную националистическую доктрину, которая полностью подчинила его мысли, В.Л. Кигн-Дедлов, согласно воспоминаниям близко знавшего его публициста М.О. Меньшикова, был «по своим воззрениям глубокий консерватор. Это уже такой темперамент, такой склад души. Он просто любит Россию, как она есть, с её самодержавием и суровым климатом, с достоинствами и недостатками, – ну как художник любит природу или искренний человек женщину – всю, как она есть». Тот же Меньшиков писал Дедлову 23 июля 1904 года, огорчаясь по поводу того, что Кигн ушёл из газеты «Слово»: «Перо – не бог весть какое оружие, но в Ваших руках оно превращается подчас в рыцарское копьё, в казацкую пику. В последние годы растёт много газетных крайне бойких публицистов и философов, но все они из хора балалаечников. То же и беллетристы самоновейшего фасона».

Дедлов до конца своей жизни оставался верен русской националистической доктрине, правда, так и не представляя себе до конца историческую перспективу России. Свой отказ от подписки на журнал «Вече» на 1906 год он мотивировал тем, что прочёл опубликованную в «Новом времени» телеграмму из Москвы, неуважительно высказывающуюся в адрес царя: «Оскорблениe Величества – это уже неладно. Царь – это знамя страны, а знамя неприкосненно». Называя это «консерватизмом», Меньшиков утверждал, что «в консерватизме таких людей меньше эгоизма, чем у радикалов. Те недовольны, и все требования их – из недовольства. Консерваторы родились довольными, и их требования идут из одобрения, из любви к существующему... Как у плохой матери, у России есть и любящие дети, и не любящие. Консерваторы больше похожи на первых».

Рассуждая о подлинном патриотизме замечательный русский философ Иван Александрович Ильин писал о двух видах критики своей родины и своего народа: критики иронической, злобной, нигилистической и – любовной, озабоченной, воспитывающей, гневно-созидающей – «так критикуют верные друзья. Так критикуют своё, любимое, не отрываясь от него, но пребываю-
ая в нём, говоря о «нас», для «нас», из крепкого и единого национального. Критика В. Дедлова – из разряда второй. Продолжая тему русского народа, он отмечал: «В другое время, когда эти бабы и эти казаки не пьяны, лучших людей и не надо. Какая простота и благородство манер; степенная, плавная и рассудительная речь, прямо чарующая приветливость и подлинное доб-
росердечие...». И далее – рассказ о том, как баба-казачка вылечила его, ничего не взяв за свой труд и «народное снадобье»: «Чем же поблагодарить тебя? – Ничего, милый, не стоит. Ты всё равно, как переселенец: вот куда с родимой стороны заехал!». Участие непрятворное, взгляд ласковый, спокойный. Ни денег не берёт, не льстит, не суетится. Как есть добрый и хороший че-
ловек. Кто ж его разберёт, этот странный, почти загадочный народ. То он полузверь, подобный киргизу и обнимающийся с ним, то до такой степени человек, что прямо завидуешь ему, даёшь себе обещание подражать ему».

Очерки «Переселенцы и новые места» (1894), «Вокруг России: Портреты и пейзажи» (1895), «Панорама Сибири (Путевые заметки)» (1900), «Война» (1904-1905) открыли новую грань таланта Владимира Дедлова-Кигна. В газете «Новое время», журналах «Вестник Европы», «Мир Божий» появились рецензии, отмечающие как подвижничество автора в деле изуче-
ния переселенческого дела в России, так и его несомненный талант в изображении «типов пе-
реселенческой толпы и её героев», а позднее – в описании военных событий.

В трудные для России времена войны с Японией В.Л. Кигн, откликаясь на приглашение А.С. Суворина сотрудничать с «Новым временем», писал о том, что «готов ехать куда угодно, в Россию или за границу, в Европу или в другие части света, как угодно: по железной ли дороге, на лошадях или пешком, присматриваясь к мелочам быта и подробностям нравов, к которым меня всегда влекло и влечёт», лишь бы быть полезным своей родине.

Некоторые корреспонденции Дедлова из театра военных действий так и не были опубликованы из цензурных соображений – они сохранились в архиве А.С. Суворина в виде писем – острых, публицистичных, обличающих халатность, распущенность, воровство и апатию русских военных: «меня здесь уверяли, что мы отступили под Лаодяном потому, что Маньчжурия не подвезла вовремя боевые припасы. Во всяком случае, и на Забайкальской, и на Маньчжурской дорогах полный беспорядок. Но нехороши и наши солдаты. В бою черти, в лазаретах ангелы, в промежутках это – недисциплинированная, своевольная, грубая русская простонародная толпа». Тем не менее, «теперешняя война – это пролог к борьбе рас; по отношению к России она – эпизод нашего рокового стремления к востоку; Россия же, как ни корява она, – носительница христианских начал; Япония, со всем её японским миром – всё же более низкий тип духовной культуры».

Вернувшись на родину, Дедлов стал готовить к изданию серию очерков «Мирные на войне». Это была серия из 10 очерков, опубликованных в ежедневной общественно-политической и литературной газете «Слово» (редактор-издатель И.В. Скворцов) в период с 17 февраля по 9 августа 1907 года. Дедлов встретил известие о русско-японской войне в своём белорусском имении и тут же высказался в своём послании: «...японцы истинно по-кононградски, ночью забрались в порт-артурскую конюшню к нашим морским коням... Все поняли, что дело идёт не о войне между двумя народами, а о начинающейся борьбе рас, о войне двух культур, двух миросозерцаний, двух религий».

Добирался Кигн-Дедлов до Мукдена больше месяца, а с сентября 1904 по январь 1905 года в разделе «Война» появились 17 его очерков под общим названием «Вслед армии». «Естественный русский патриотизм твёрд, как скала, – писал Дедлов. – Солдат и мужик едва только почувствуют себя в артели, в роте, в полку, просто в случайно образовавшейся толпе, в хоре, – так это хоровое целиком овладевает им; отдельные люди словно срастаются друг с другом. Единичные силы сливаются в одну общую, каждый начинает жить повышенной жизнью целого, а это целое, в конце концов, – Россия». После своей командировки на театр военных действий Владимир Кигн-Дедлов был награждён памятной медалью Российского Общества Красного Креста и произведён в чин действительного статского советника. Произведение «Мирные на войне» увидело свет в 2010 году благодаря усилиям Института социальной памяти Академии военных наук.

Последние годы жизни он провел в основном у себя на родине в Белоруссии, в имении Федоровка, страдая от одиночества и неизлечимых недугов. Писатель трагически погиб в нелепом инциденте. Официальная и единственная версия смерти Владимира Людвиговича сводилась к следующему: Кигн, находясь в болезненном психическом состоянии, беспричинно стрелял в акцизного чиновника, и последний, защищаясь, убил его.

6 июня местная газета «Могилевский вестник» в разделе «Местные известия» поместила коротенькое сообщение: «В городе Рогачеве в помещении гражданского клуба акцизный контролер И.А. Клятецкий, защищаясь, убил из револьвера дворянина В. Кигна». Ряд исследователей в прошлом и настоящем склонны рассматривать данную трагедию как месть литератору за его политические воззрения и жизненную позицию. Могилы его и его семьи были разворованы в 30-40-х годах прошлого века.

В. Л. Кигн-Дедлов оставил после себя богатое творческое наследие. Среди 11 изданных им книг – сборники рассказов, повесть «Сашенька», трилогия «Варвар. Эллин. Ерей», автобиографическая повесть «Школьные воспоминания», комедия «Петербургский кузен», циклы очер-

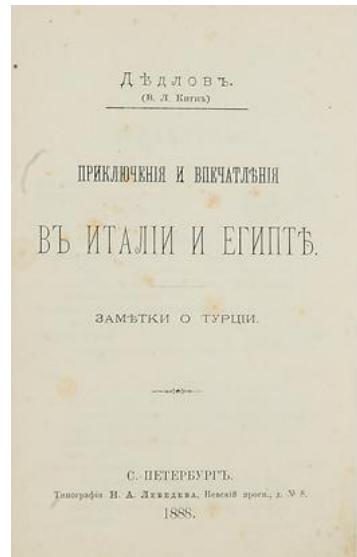
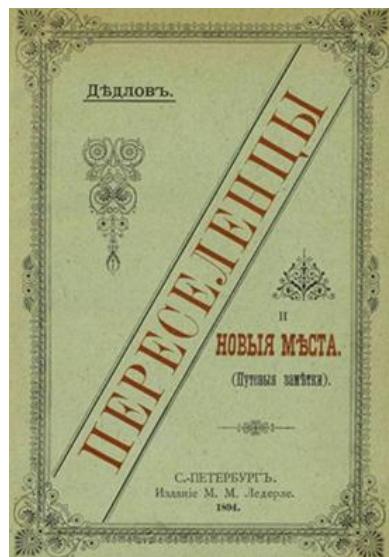

ков «Облава» («Белорусские силуэты») и др. Об издании его произведений хлопотал даже А. П. Чехов. Путевые очерки Дедлова, публиковавшиеся на страницах периодики, критические разборы произведений русских писателей, а впоследствии и собственное художественное творчество сделали его имя не просто популярным среди современников, но и позволили историкам литературы Овсянико-Куликовскому, Энгельгардту поставить его в один ряд с такими писателями конца позапрошлого века, как М. Альбов, К. Баранцевич, И. Ясинский, И. Потапенко, С. Каронин (Петропавловский), П. Гнедич, Д. Мамин-Сибиряк. Позже имя В. Л. Кигна-Дедлова постоянно упоминалось уже в качестве писателя «чеховской поры», ассоциируясь с беллетристами так называемой чеховской школы: А. Тихоновым-Луговым, В. Бибиковым, А. Лазаревым-Грузинским, Л. Авиловой, Е. Шавровой, И. Леонтьевым-Щегловым.

Наследие Дедлова многогранно. Как литературный критик он не принимал «тенденциозной» литературы. «Хорошо устроена жизнь или худо – это не дело художника и ученого. Худо ли жить, хорошо ли и как сделать, чтобы жилось лучше, – это забота политиков и критиков». Он высоко оценил Чехова, якобы свободного от «направленства», разойдясь здесь с Н. К. Михайловским, сетовавшим на недостаточно выявленную авторскую идею в его творчестве. Дедлов утверждал, что «Чехов занимает бесспорно первое место среди своих сверстников. Его слог сжат и образен, идеи ясны, настроение цельно. Чехов не только художник и наблюдатель, но и мыслитель». В вышедшой после смерти Чехова статье Дедлов указывал на созданный им психологический портрет «испуганного поколения 80-х годов», вписанный в «образ пореформенной, пореволюционной, уставшей от напряжения России». Дедлов писал также о творчестве К. С. Баранцевича, И. Н. Потапенко, в котором увидел «объективный» талант, выделив в особенностях рассказ «На действительной службе». Анализировал творчество Козьмы Пруткова.

В.Л. Дедлову-художественному критику принадлежит интересный очерк «Киевский Владимирский Собор и его художественные творцы» (М., 1901), где он рассказал о А. В. Прахове, В. М. Васнецове, П. А. Сведомском, В. А. Котарбинском, М. В. Несторове, создававших живопись храма, в которой подчеркивал национальное своеобразие: «Пока искусство не стало на национальную почву, – нет искусства» (С. 35). Дедлов защищал достоинства панно М. А. Врубеля «Принцесса Грэза» и «Богатырь», вступив в полемику с М. Горьким.

В.Л. Дедлов был и остаётся в памяти соотечественников настоящим подвижником. Одним из тех, на которых, как говорят, земля держится. Будет справедливо, если незаслуженно забытому писателю В.Л. Кигну-Дедлову, достойному сыну белорусского и русского народа, образцу исполнения гражданского долга, сегодня будет воздано должное.

Вид некоторых книг В.Л. Дедлова-Кигна

• ОБРЕТЁННЫЕ ВНОВЬ ИМЕНА •

Авторский проект
члена Союза писателей Беларуси,
профессора-историка, публициста, краеведа
Валерия ЧЕРЕПИЦЫ
на сайте Гродненского областного отделения СПБ www.pisateli.by

Для справки:

ЧЕРЕПИЦА Валерий Николаевич родился 1.01.1945 г. на Брянщине. Советский и белорусский историк, педагог, краевед, публицист и общественный деятель. Кандидат исторических наук (1979), профессор (1991), академик Петровской Академии наук и искусств (2014), преподаватель Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. С 2019 года является преподавателем кафедры социально-гуманитарных наук ГрГМУ. Автор более 500 научных публикаций и двух десятков книг исторической публицистики. Член Союза писателей Беларуси. Лауреат Премии имени А.И.Дубко за достижения в сфере культуры и искусства в номинации «Писатель года» (2012). Награждён орденом Франциска Скорины. Живёт в Гродно.

